

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА НА УСТОЙЧИВОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Куртов Сергей Юрьевич

Аспирант, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)»
KurtovSY@yandex.ru

THE ROLE OF THE DEMOGRAPHIC FACTOR IN ENSURING THE SUSTAINABILITY OF THE SOCIAL SYSTEM

S. Kurtov

Summary: The role of demographic factor in ensuring socio-natural sustainability is revealed. The content of the phenomenon of demographic transition is explained. The problems of technological immortality and modernization of aging from the position of social sustainability are considered. The problem of transformation of the family institution at the present stage of society development is analyzed. The necessity of preserving the nuclear family and its expansion on the basis of traditional values to ensure sustainable social reproduction is substantiated.

Keywords: social sustainability, demographic transition, social reproduction, modernization of aging, family.

Аннотация: Выявлена роль демографического фактора в обеспечении социоприродной устойчивости. Объясняется содержание феномена демографического перехода. Рассмотрены проблемы технологического бессмертия и модернизации старения с позиции социальной устойчивости. Проанализирована проблема трансформации института семьи на современном этапе развития общества. Обоснована необходимость сохранения нуклеарной семьи и её расширения на основе традиционных ценностей для обеспечения устойчивого социального воспроизводства.

Ключевые слова: социальная устойчивость, демографический переход, социальное воспроизводство, модернизация старения, семья.

Социум представляет собой аутопоэтическую систему, внутренний механизм и логика долгосрочного развития которой заключается в непрерывном самовоспроизводстве и метаэволюции человека и общественных отношений из поколения в поколение. Социальная устойчивость является наиболее актуальным и наименее разработанным аспектом проблемы устойчивого развития, требующим философского осмысления.

Социальная форма движения материи является наиболее сложной и несводимой к более простым формам движения материи. Несмотря на то, что аутопоэтическое социокультурное развитие общества в большей степени подчинено внутрисистемным закономерностям [1, с. 207], автотрофное существование человечества, порожденного биосферой, невозможно [2, с. 70]. То есть современный социум представляет собой открытую систему, устойчивость которой всё ещё зависит от эффективности обмена веществом, энергией и информацией с природной средой.

Согласно теории пределов роста Дж. Форрестера и Д. Медоуза, мерой социоприродной устойчивости является уровень экологической нагрузки, снижение которой является необходимым условием устойчивости мирового сообщества. Важнейшим количественным аспектом, определяющим уровень экологической нагрузки, является демографический фактор. Демографический аспект социальной устойчивости определяется динамикой численности человечества, которая зависит от текущей чис-

ленности и плотности народонаселения, соотношения рождаемости и смертности, а также состояния здоровья и средней продолжительности жизни человека.

Согласно принципу демографического императива, предложенному С.П. Капицей, именно рост общей численности человечества детерминирует устойчивость социальных макроструктур и процессов [1, с. 278]. На протяжении истории человечество демонстрирует гиперболический рост численности, который доказывает устойчивость биологического вида *homo sapiens* [3, с. 162; 4, с. 105]. Однако биосоциальная природа и социальная сущность человека не совпадают, поэтому социальная устойчивость не может быть сведена к биологической.

Количественный рост населения не гарантирует приближения общества к желаемому устойчивому состоянию, которое может быть представлено как гуманистический идеал социальной справедливости. В эпоху промышленной революции социум сохранил устойчивость, поскольку количественный демографический взрыв сопровождался качественным повышением уровня экзистенциальной безопасности человечества. Затем, в результате индустриализации произошло глубокое изменение социальной структуры, получившее название демографического перехода [4, с. 91; 5, с. 144].

Феномен демографического перехода заключается в одновременном снижении рождаемости и уменьшении

детской смертности [6, с. 181; 7, с. 182-183]. Период демографического перехода не превышает средней продолжительности жизни человека, вследствие чего произошло кардинальное изменение системы ценностей и идеалов [1, с. 234-235]. Систематическое снижение рождаемости объясняется не только прогрессом в области репродуктивных технологий и здравоохранения, но и общим повышением уровня жизни, совершенствованием системы образования, а также эмансипацией женщин [5, с. 146; 8, с. 415-416]. Контролируемое ограничение рождаемости в процессе планирования семьи, по мнению Р.Э. Лукаса, становится рациональным выбором родителей, направленным на повышение благосостояния и максимизацию возможностей каждого ребёнка в социуме [6, с. 36, 186].

Общее повышение качества жизни в результате демографического перехода способствует устойчивому росту средней продолжительности жизни и, как следствие, старению населения. Современные футурологи, такие как Р. Курцвейл и Ю.Н. Харари, в своих прогнозах допускают возможность превращения смерти из фундаментальной проблемы в техническую задачу ближайшего будущего. Достижение технологического бессмертия заключается в последовательном циклическом продлении человеческой жизни с помощью инновационных технологий на период, необходимый для совершения очередной революции в области геронтологии [9, с. 370; 10, с. 31]. А.В. Турчин и М.А. Батин рассматривают бессмертие человека как абсолютное благо, выражающееся в бесконечном развитии личности [11, с. 157]. Однако всеобщее старение населения дестабилизирует общество, так как снижение доли населения репродуктивного возраста уменьшает потенциал социального воспроизводства. Поэтому в случае достижения технологического бессмертия проблема жизни и смерти человека обретет новый этический ракурс. Представляется, что для обеспечения социальной устойчивости в будущем человек должен осознанно и добровольно ограничить продолжительность собственной жизни, отказавшись от бессмертия в пользу жизни последующих поколений.

Снижение адаптивных способностей пожилого человека приводит к его вытеснению из социальных процессов, одиночеству, деперсонализации и, как следствие, ускорению процесса старения [12, с. 188; 13, с. 52-53]. Поэтому с позиции социальной устойчивости более значимой целью является не достижение индивидуального бессмертия любой ценой, а здоровая «модернизация старения», увеличение продолжительности активной жизни личности в социуме во избежание маргинализации старшего поколения и возрастания деструктивной социальной энтропии [14, с. 209; 15, с. 127; 16, с. 95, 98].

Рост доли людей старшей возрастной группы, тяготеющих к консерватизму, ведет к смещению баланса

традиции и инновации в пользу простого воспроизведения традиционных культурных образцов, что несет дополнительные риски стагнации социума. В то же время пожилой человек является носителем и ценным источником многообразных социокультурных образцов, которые могут служить основой для будущих инноваций. Для обеспечения социальной устойчивости в условиях возрастающего межпоколенческого разрыва от молодежи требуется активное содействие адаптации пожилых людей к изменчивой социокультурной среде [15, с. 126]. В свою очередь, старшее поколение в обмен на социальные гарантии уважения и материального благополучия должно осознанно отказаться от геронтократии во избежание реакционного эйджизма как неявной формы геронтицида.

Для обеспечения устойчивости социального континуума необходимо качественное изменение системы вертикальных связей между поколениями. Единновременное сосуществование большого числа поколений в соответствии с концепцией, разработанной В.П. Бранским и С.Д. Пожарским, становится основой преодоления конфликта отцов и детей путем объединения социальных идеалов трёх последовательных поколений. Интеграция идеалов осуществляется в соответствии с диалектической схемой «тезис-антитезис-синтез» путём включения универсального гуманистического начала в социальный суператтрактор - идеальный образ желаемого будущего человечества [17, с. 16-17]. Таким образом, устойчивость социума на макроуровне обеспечивается посредством развития «трансмиссии поколений» на основе принципов кооперации, солидарности и селективной преемственности всех возрастных групп.

Главную роль в интеграции поколений на микроуровне социума играет институт семьи, который в результате демографического перехода претерпел значительные изменения. Семья представляет собой минимальную форму человеческого единства, способную к самовоспроизводству. В соответствии с принципом минимального мышления, предложенным профессором Д.М. Эпштейном, первоначально человек ориентируется на минимальную социальную структуру, которая способна предложить ему модель поведения, обеспечивающую консенсус с обществом [18, с. 340]. Поэтому именно семья является первичной коммуникативной системой, в которой формируется целостная личность, обладающая социальным и эмоциональным интеллектом. Институт семьи есть основа стабильности микроуровня социальной системы, так как семья объединяет людей на основе наиболее близких и продолжительных, родственных связей, обеспечивающих максимальный уровень доверия и эмпатии [19, с. 75-76].

Согласно закону иерархических компенсаций (закону Седова) в формулировке А.П. Назаретяна «рост раз-

нообразия на верхнем уровне иерархической организации обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях, и наоборот, рост разнообразия на нижнем уровне разрушает верхний уровень организации» [20, с. 197]. В соответствии с законом Седова распад традиционной (большой) семьи и частичная передача её функций государству и рынку ограничились разнообразием семейных моделей простейшей структурой нуклеарной семьи, что способствовало стабилизации социальной системы на макроуровне [21, с. 430-436].

Однако в настоящее время нуклеарная семья испытывает глубокий кризис. Традиционные функции семьи, такие как ведение домохозяйства и воспитание детей всё чаще передаются на аутсорсинг профессионалам и государству. Ю.Н. Харари отмечает, что крепкие семейные отношения оказывают более сильное положительное влияние на субъективный уровень счастья по сравнению с материальным благосостоянием [21, с. 462]. Несмотря на это, по мнению Ф. Фукуямы, рыночная экономика стимулирует популяризацию культуры одиночества, которая обеспечивает рост индивидуального потребления, но подрывает устойчивость института семьи [22, с. 108, 118]. С повышением общего уровня благосостояния семья перестает быть экономическим союзом, необходимым для выживания индивидов, а дети из «центра прибыли» становятся «центром затрат» [23, с. 147-148; 24, с. 40]. Осознанный контроль над репродуктивной функцией приводит к ослаблению связи между семейной и сексуальной жизнью [25, с. 227-228]. Поэтому на современном этапе средний возраст вступления в брак и рождения первенца неуклонно растёт, а процент разводов увеличивается [26, с. 332; 27, с. 127].

В условиях экономической нецелесообразности вступления в брак главной причиной и необходимым условием создания семьи становится любовь [15, с. 135-136; 23, с. 153]. Согласно Э. Фромму, любовь есть «действенная озабоченность, заинтересованность в жизни и благополучии того, кого мы любим», то есть подлинное искусство любви заключается в активном и непрерывном участии супругов во взаимном развитии [28, с. 124]. Э. Тоффлер отмечает, что «параллельное развитие»

любви в рамках традиционного брака на протяжении всей жизни становится практически невозможным, так как в условиях ускорения социокультурных изменений асинхронность индивидуальных темпов супругов нарастает [13, с. 275-276]. Этот непреодолимый разрыв становится главной причиной разрушения традиционного брака и появления разнообразных типов временных союзов.

В соответствии с законом иерархических компенсаций возникновение на микроуровне социальной системы многообразия форм отношений, конкурирующих с моделью нуклеарной семьи, включая бездетные пары, неполные семьи и смешанные семьи с детьми от разных браков, ведёт к дестабилизации общества на макроуровне [26, с. 329-330]. Более того, современное общество ни морально, ни технически не готово к массовой передаче репродуктивной функции семьи на аутсорсинг. Поэтому нуклеарная семья остаётся единственным базисом воспроизводства элементов социальной системы. Следовательно, сохранение института семьи и культивирование традиционных семейных ценностей в условиях демографического перехода является необходимым условием обеспечения социальной устойчивости.

Таким образом, демографический переход от экспоненциального роста численности населения к увеличению продолжительности полноценной жизни личности в социуме повышает устойчивость социальной системы. Демографический переход является важным условием формирования образа идеального целевого состояния социальной системы, основанной на гуманистических принципах сотрудничества и селективной преемственности поколений. Важным фактором социальной устойчивости на основе связи поколений представляется квазиинтеграция представителей старших поколений в модель нуклеарной семьи, которая испытывает кризис на современном этапе. Поэтому поддержка института семьи, основанной на традиционных ценностях, является необходимым условием обеспечения устойчивости социальной системы, так как именно в семье обеспечивается непрерывное воспроизводство элементов социальной системы.

ЛИТЕРАТУРА

- Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего / С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. – Изд. 3-е. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 288 с.
- Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума / Н.Н. Моисеев. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 224 с.
- Добренёв В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 9: Возрасты человеческой жизни / В.И. Добренёв, А.И. Кравченко. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 1094 с.
- Куркина Е.С., Князева Е.Н. С.П. Курдюмов и его эволюционная модель динамики сложных систем / Е.С. Куркина, Е.Н. Князева // Изв. вузов «ПНД». – 2013. – Т. 21. – № 4. – С. 93-114.
- Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Р. Инглхарт; пер. с англ. С.Л. Лопатиной. – Москва; Челябинск: Социум, 2020. – 348 с.

6. Лукас Р.Э. Лекции по экономическому росту / Р.Э. Лукас; пер. с англ. Д. Шестакова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 288 с.
7. Бодрунов С.Д. Ноономика / С.Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – Москва: Гос. ун-т. Высш. шк. экономики, 2000. – 606 с.
9. Курцвейл Р., Гроссман Т. Transcend: девять шагов на пути к вечной жизни / Р. Курцвейл, Т. Гроссман; пер. с англ. Анны Сусяковой. – 5-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 384 с.
10. Харари Ю.Н. Ното Deus. Краткая история будущего / Ю.Н. Харари. – М.: Синдбад, 2018. – 496 с.
11. Турчин А.В. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? / А.В. Турчин, М.А. Батин. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. – 263 с.
12. Аттали Ж. Краткая история будущего / Ж. Аттали; перевод с франц. – СПб.: Питер, 2014. – 288 с.
13. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер; пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 557 с.
14. Уэст Дж. Масштаб: универсальные законы роста, инноваций, устойчивости и темпов жизни организмов, городов, экономических систем и компаний / Дж. Уэст; пер. с англ. Д.А. Прокофьева. – М.: Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус, 2018. – 512 с.
15. Йенсен Р. Общество мечты: как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит бизнес / Р. Йенсен; пер. с англ. М. Аккая. – Санкт-Петербург: Стокгольм. шк. экономики в Санкт-Петербурге, 2002. – 239 с.
16. Бевзенко Л.Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций / Л.Д. Бевзенко. – К.: Институт социологии НАН Украины, 2002. – 239 с.
17. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Закон самоорганизации социальных идеалов и глобализация культуры / В.П. Бранский, С.Д. Пожарский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2005. – № 1. – С. 13-20.
18. Болл Ф. Критическая масса. Как одни явления порождают другие / Ф. Болл; пер. с англ. Арсена Хачояна. – М.: Гелиос, 2008. – 528 с.
19. Онучин С.В. Преодоление социально-экономической нестабильности: роль институтов: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.01 / С.В. Онучин. – Санкт-Петербург: С.-Петербург. гос. ун-т, 2017. – 388 с.
20. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: очерки по эволюционно-исторической психологии / А.П. Назаретян. – Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 256 с.
21. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества / Ю.Н. Харари; пер. с англ. Л. Сумм. – М.: Синдбад, 2016. – 520 с.
22. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.
23. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – с. 345 с.
24. Туроу Л.К. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир / Л.К. Туроу; перевод с английского А.И. Фета. – Nycöping (Sweden): Philosophical arkiv, 2016. – 396 с.
25. Бард А., Зондерквист Я. Нетократия: новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зондерквист; пер. с англ. В. Мишучкова. – 2-е, испр. – Санкт-Петербург: Стокгольм. шк. экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.
26. Нейсбит Д. Мегатренды / Д. Нейсбит пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380 с.
27. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / П.Дж. Бьюкенен пер. с англ. А. Башкирова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 444 с.
28. Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм; перевод. – М.: Республика, 1992. – 430 с.

© Куртов Сергей Юрьевич (KurtovSY@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»